

IV. ВОСПОМИНАНИЯ

В. С. ДУРОВ

УРОКИ УЧИТЕЛЯ (Об А. И. Доватуре)

С Аристидом Ивановичем Доватуром я познакомился в сентябре 1964 г. В то время я был студентом филологического факультета Ленинградского государственного университета, учился на II курсе русского отделения. На I курсе мы слушали лекции по античной литературе, которые читала тогда еще доцент Наталья Александровна Чистякова. Некоторые из нас захотели продолжить изучение античности, и Наталья Александровна по нашей просьбе организовала студенческий кружок. Все его участники получили темы для научных сообщений. Мне досталась «Лермонтов и античность». Работая над сбором материала, я понял, что без знания древнегреческого и латинского языков филологу не обойтись. Созрело решение перевестись на отделение классической филологии. Наталья Александровна взялась замолвить за меня словечко заведующему кафедрой Доватуру. Договорилась о встрече.

И вот я иду по длинному узкому коридору и в самом конце его останавливаюсь перед дверью с номером 85 и табличкой «Кафедра классической филологии». Обмирая от страха, вхожу в комнату. Бросаются в глаза стоящие вдоль стен массивные шкафы, заполненные старинными книгами. Часть шкафов делит помещение на две неравные части. Чтобы добраться до стола заведующего, надо обогнуть один из них.

Аристид Иванович сидел за столом, положив руки на раскрытый портфель. В углу справа от него с высокой тумбы нависала огромная голова гипсового Зевса. Под этой громадиной Аристид

Иванович выглядел совсем маленьким. Его гладко выбритая голова резко контрастировала с пышной шевелюрой греческого бога. Мне показалось, что заведующий был не в духе.

Не помню, о чем мы тогда говорили. Но меня не покидало ощущение, что грозный профессор бормотал, как бы про себя, что-то о самонадеянных юнцах, взявших на себя смелость за три месяца сдать разницу в учебных программах русского и классического отделений. Я понял, что на его занятия по древнегреческому языку буду допущен лишь после того, как сдам ему экзамен за I курс.

С латинским языком проблем не было. Его преподавала Нина Викторовна Крайзмер. Ей я благодарен за то, что она не только позволила посещать ее уроки, но и занималась со мной дополнительно, причем безвозмездно, так что вскоре я почти сравнялся с товарищами в латыни и благополучно сдал экзамен по этому языку. А вот с греческим дело не заладилось. Первая попытка сдать по нему разницу провалилась. Сбывались худшие прогнозы Аристиды Ивановича. Я оказался тем самым самонадеянным юнцом, о котором он бормотал при нашей первой встрече. Выручил мой однокурсник Юра Поплинский. Он исправил мои ошибки и объяснил, что от меня требуется. Повторное испытание я выдержал и, что не менее важно, сдружился с этим исключительно интеллигентным и доброжелательным студентом.

С февраля 1965 г. я был допущен к занятиям Доватура. Учил он увлеченно. С непривычной педантичностью заставлял заучивать греческие глаголы. К каждому уроку мы что-то письменно спрягали, и надо было видеть, в какой восторг приходил наш учитель, когда мы лихо скандировали нужные формы. Иногда он проговаривал окончания вместе с нами и, словно дирижер, взмахивал правой рукой, в которой держал кусочек мела или тетрадь. Его глаза сияли. В эти минуты он, видимо, возвращался в свои гимназические годы. Затем следовала проверка подготовленного дома текста.

С Аристидом Ивановичем были прочитаны многие греческие и римские авторы: Геродот, Феогид, Цицерон, Плиний, Марциал и другие.

— Греческий язык, — говорил он, — женский язык, потому что его грамматика изобилует особенностями, между тем как грамматика латинского языка подчинена строгим правилам, исключения здесь немногочисленны; латынь — это язык мужчин.

Учиться у Доватура было нетрудно. Как только он замечал, что у кого-то из нас возникает затруднение с переводом, он тут же приходил на помощь и незаметно для отвечающего переводил фразу сам. Впрочем, его помощи обычно не требовалось, потому что Аристид Иванович всегда выписывал на доске новые слова и выражения из очередной главы читаемого текста; иногда он проговаривал русский вариант отдельных предложений, а мы тут же заносили его в свои тетради, что сильно упрощало нам подготовку домашнего задания.

Не помню, чтобы на занятиях он обидел кого-нибудь резким замечанием. Если кому-то и выговаривал, то делал это в шутливой форме.

Однажды я пришел на занятия неподготовленным. Как правило, в 9 часов Аристид Иванович уже сидел за преподавательским столом. Сам никогда не опаздывал и требовал от нас того же. Следил, чтобы мы ложились спать не слишком поздно: время от времени делал неожиданные проверки — звонил нам вечером по телефону и спрашивал, готовимся ли мы уже лечь в постель. В моей коммунальной квартире его звонки вызывали переполох. Когда он строгим официальным голосом просил позвать к телефону студента университета Дурова, перепуганные соседи переходили на шепот.

Накануне того злополучного дня я допоздна засиделся у друзей, и к телефону подошла моя встревоженная мать. Пытаясь спасти положение, но не зная, как объяснить мое отсутствие, она сказала первое пришедшее ей в голову: ушел, дескать, в булочную. А было уже довольно поздно — все магазины давно закрылись.

Когда на следующий день, я прошмыгнул в аудиторию, Доватур сделал вид, что меня не заметил. Но вот подошла очередь отвечать мне. Я признался, что не готов. Аристид Иванович ликовал.

— Ну, конечно, — восклицал он, — ведь вы весь день ходили за булками! — И в течение урока, ни к кому не обращаясь конкретно, то и дело ронял: — Ну а Дурова мы спрашивать не будем, ведь он вчера ходил за булками.

На уроках Доватура всегда было легко, весело и интересно. Гнетущая атмосфера, создаваемая некоторыми преподавателями, рассеивалась, как только в аудиторию входил Аристид Иванович. Он моментально угадывал настроение группы. Если замечал, что мы утомлены или чем-то расстроены, начинал урок с какого-нибудь

остроумного замечания или забавного рассказа о своих гимназических годах, но чаще всего рассказывал что-нибудь из истории России или Франции. Его запас исторических анекдотов был неистощим. Как только наше внимание ослабевало, и мы начинали отвлекаться, следовал занимательный рассказ. Помню, как мы веселились, слушая о казанском латинисте Дарии Ильиче Нагуевском.

Высокопоставленный петербургский чиновник из Министерства просвещения совершал инспекционную поездку по городам Волги. Он старался не привлекать к себе внимания и о дне своего приезда не сообщал. Но когда пароход рано утром прибыл в Казань и чиновник сошел на пристань, первый, кто ему попался на глаза, был... да-да — Нагуевский... с удочкой в руке.

На занятиях Аристид Иванович много работал с доской, исписывая ее сверху донизу — в конце уже мельчил, стараясь втиснуть всю греческую фразу. Следил, чтобы все написанное было в наших тетрадах. И всегда спрашивал, можно ли уже стирать с доски. Когда что-то диктовал, делал это так, чтобы мы успевали записывать за ним. Иногда, перегнувшись через стол, заглядывал в наши тетради. С пунктуацией проблем не было, потому что в соответствующих местах он произносил: «Точка. Запятая. Точка с запятой». Если мы по какой-либо причине пропускали занятие, он, слегка попеняв, доставал из портфеля толстую тетрадь и указывал страницы, которые успел продиктовать.

— Ничего страшного, — успокаивал он, — перепишите на перемене.

Почерк у Доватура был своеобразный: буквы крупные и разной величины, они никогда не теснились, не прилипали друг к другу. Такого размашистого почерка я ни у кого больше не видел.

Первый год моей учебы на классическом отделении прошел быстро. Экзамены я сдал успешно, и в группе меня признали своим. На лето все разъехались по экспедициям и строительным отрядам. А в сентябре Аристид Иванович пригласил меня к себе домой обсудить тему курсовой работы, впоследствии переросшей в дипломную.

Жил он неподалеку от Исаакиевской площади в переулке Гривцова. Дом я нашел быстро. Квартира — коммунальная. На звонок дверь открыла соседка и указала, куда идти. Тихонько стучу и приоткрываю дверь. Батюшки светы! Посреди комнаты — гора книг. Хозяина не видно. Я застыл у порога, не зная как поступить. Вдруг

раздаются какие-то шорохи, вздохи — и откуда-то из-под книг выныривает улыбающийся Аристид Иванович. В руках у него книга.

— Это для вас, — говорит он и тянет меня к стоящему у окна столу. — Сейчас мы будем ужинать.

Было около 8 часов вечера,

Я все еще не могу прийти в себя от изумления. И было чему удивляться. Поражал сам вид хозяина. Вместо брюк на нем — легкие шаровары, поддерживаемые подтяжками, прилежавшими к нагательной рубаше. Привыкший видеть учителя всегда в пиджаке и при галстуке, я был ошеломлен и смущен одновременно. Но Аристид Иванович так радовался моему приходу, так оживленно хлопотал у стола, что всякое ощущение неловкости быстро исчезло. Я начал отвечать на вопросы, и наконец завязалась беседа.

Что и как мы ели, помню до мельчайших подробностей. Сначала Аристид Иванович предложил мне отведать маслин и внимательно наблюдал, как я воспринимаю непривычное для себя угощение. Впоследствии я узнал, что это было своего рода испытанием. Таким образом проверялось, способен ли я любить все греческое и, стало быть, заниматься античностью. Маслины мне понравились. Затем Аристид Иванович пододвинул ко мне овальную коробочку марокканских сардин в оливковом масле и снабдил длинным ключиком для ее открывания. И маслины и сардины в то время были редкими деликатесами. «Смотрите, как это делается», — говорил он, сворачивая тонкую жезь в трубочку. С сардинами справились быстро.

Потом Доватур взболтал бутылку кефира и вылил ее содержимое в две большие кружки,

— Ацидофилин в магазине уже кончился, — сокрушался он. — Будем пить кефир. Вы обратили внимание, какое замечательное слово «ацидофилин»? Тут вам и латынь — *acidus* ‘кислый’ и греческий *φιλέω* ‘люблю’.

Но он напрасно огорчался, я и кефир выпил с удовольствием.

— Ну, а теперь, — сказал он, весело ударив по столу рукой, — теперь мы будем пить чай.

— Аристид Иванович, — взмолился я, — спасибо, но я не могу.

— Можете, дорогой мой, можете. — Он исчез на несколько минут и вернулся с чайником в руке. — Разве можно отказываться от чая? Чай у меня цейлонский.

И вот уже кружки наполнены до краев. Я внутренне ахнул, поразившись непринотливости учителя, — в кружках из-под выпитого

кефира плавали молочные хлопья, меняя белый цвет на золотисто-коричневый.

Уходя, я спросил, почему в комнате часы показывают разное время.

— Все очень просто, — сказал Аристид Иванович. — Когда я просыпаюсь рано утром от звонка будильника и вижу, что на часах половина седьмого, я не спешу вставать, так как в действительности всего лишь шесть часов и можно еще подремать, пока не зазвонит другой будильник.

Доватур вел жизнь холостяка, обходясь лишь самым необходимым. На одежду и быт внимания обращал мало. Обедал в университетской столовой. Одевался скромно. В теплое время носил светлый плащ и темный берет. Зимой надевал пальто на вате и шапку-ушанку, тесемки которой были завязаны не сверху, а сзади, на затылке, так, чтобы уши всегда были прикрыты. Обязательной принадлежностью его туалета были галоши, которые он оставлял в гардеробе.

Неприхотливый в быту, он постоянно следил за своим здоровьем и нас призывал к этому. Его рекомендации были просты: встав утром, первым делом выпить полстакана воды; соблюдать умеренность во всем, кроме науки; как можно больше ходить пешком. Я часто видел из окна троллейбуса его маленькую фигурку, бредущую вдоль невской набережной. С годами ему становилось все тяжелее, и он нес свой старенький портфель сзади, держа его обеими руками за спиной.

На факультете, во время перерывов — тогда они делались через каждые 45 минут — Аристид Иванович в аудитории не задерживался, а вместе с нами растворялся в студенческой толпе. В людском водовороте он чувствовал себя как рыба в воде. Он никогда не пропускал ноябрьских и первомайских демонстраций, в любую погоду шел в университетской колонне от 1-й линии Васильевского острова до Дворцовой площади.

Когда Доватур прогуливался по факультетским коридорам, казалось, что происходящее вокруг не интересует его. Но это не так. Вот улыбка сползает с его лица. Он видит меня, оживленно болтающего со студенткой русского отделения.

— Сударыня, — говорит он, взяв ее за локоть, — мне надо кое-что сказать вам.

Я тут же испаряюсь. А сказал ей Аристид Иванович следующее.

Учиться на классическом отделении трудно. Ничто не должно отвлекать его питомцев от занятий. Почему бы симпатичной барышне не присмотреть себе кавалера среди других студентов?

В аудитории Аристид Иванович появился, напустив на себя мрачность. Мы, привыкшие видеть его другим, притихли. Он долго пытался, копаясь в своем портфеле, потом произнес что-то о дамских угодниках, которым не место среди классиков — и вдруг без всякого перехода рассмеялся и заговорил о том, что мы, неопытные юнцы, можем стать легкой добычей какой-нибудь Кати Бонбоньеркиной и тогда ни о какой науке не может быть и речи. В тот раз гроза быстро миновала. Но призрак вероломной Кати Бонбоньеркиной еще долго витал над нами.

О нашей учебной группе следует сказать особо. На филологическом факультете, где преобладали девушки, группа, в которой из восьми человек пять юношей, — явление довольно редкое. Правда, на IV курсе юношей стало меньше: на русское отделение перевелся Сергей Городенский. Он страдал какой-то кожной болезнью. Сидел неизменно в последнем ряду, за нашими спинами. К занятиям никогда не готовился: считал излишним затруднять себя переводами Цезаря или Ксенофонта. Всегда имел при себе русский подстрочник, держал его под столом на коленях. Начиная с III курса он редко появлялся на факультете.

Мы же, четверо, занятий старались не пропускать. Аристид Иванович называл нас квадригой — упряжкой из четырех лошадей. «Это моя квадрига», — восторженно говорил он историку Дмитрию Павловичу Каллистову, обводя нас рукой. Каллистов, хорошо зная своего эксцентричного друга, молчал и понимающе усмехался. А вот профессор Мария Ефимовна Сергеенко, которую Доватур считал своей учительницей, энтузиазма его не разделяла. Недоверчиво поглядывая на нас, она всем своим видом говорила: «Это мы еще посмотрим, действительно ли вы слаженная квадрига или безмозглые клячи». Ее скепсиса Аристид Иванович, казалось, не замечал, очень гордился нами и часто повторял, что благодаря нам в его преподавательской деятельности наступил «золотой век».

В нашей квадриге особое место занимал Юра Поплинский. Он был любимым учеником Доватура. Аристид Иванович этого не скрывал и, более того, постоянно напоминал нам об этом.

— Знаете, почему я люблю Поплика? — спрашивал он нас. — Потому что он похож на меня — гимназиста. Юра мне понравился сра-

зу, еще на собеседовании. — И пояснял: — На мой вопрос, как бы он себя охарактеризовал, он, не задумываясь, ответил: я — зубрилка.

До поступления в университет Юра успел поработать в Ленинградском театре юных зрителей. У него и внешность была артистическая. Мне он напоминал популярного в то время актера Владимира Коренева, сыгравшего человека-амфибию в одноименном фильме. Девушки находили в нем сходство с Тутанхамом.

Два Виталия — Вальченко и Сычинский — были старше Юры. Первый из них проучился несколько лет на немецком отделении филологического факультета Саратовского университета. Второй работал геодезистом в геологических экспедициях. В Ленинград приехал из Киева. Оба жили в студенческом общежитии и держались вместе.

В квадриге я был самым младшим, поэтому меня сделали старостой. В мои обязанности входило информировать группу об исходящих из студенческого деканата распоряжениях, согласовывать расписание экзаменов и посещать лекции по общественно-политическим дисциплинам, которые начинались, как правило, в 9 часов. «Старики» могли поспать лишний часок. В случае переклички, эпизодически устраиваемой лектором, я отзывался за них разными голосами.

Вместе с нами учились две латышки и Лена Рабинович — Егоровна, как мы ее называли между собой. В группе она была самой одаренной. Сейчас Елена Георгиевна — доктор исторических наук, известная исследовательница и переводчица античной литературы.

С успеваемостью проблем не было. Зачеты мы получали обычно автоматом. Как проходили экзамены по древнегреческому и латинскому языкам, не помню. Видимо, чисто формально. Аристид Иванович не изнурял нас этой, в сущности не нужной для него, процедурой — ему наши знания были и так хорошо известны.

Он бывал почти на всех наших экзаменах и выручал в трудных ситуациях. Помню, как он пришел на экзамен по истории русской литературы XIX в. Экзаменовал молодой доцент Аскольд Борисович Муратов. Увидев входящего в аудиторию профессора, он тут же поднялся и пошел ему навстречу. Доватур тотчас воспользовался ситуацией. «Не будем мешать нашим питомцам готовиться», — сказал он и вывел в коридор не посмевшего перечить Аскольда Борисовича. Через полчаса они наслаждались нашими на редкость блестящими ответами.

Особенно спасительным было присутствие Аристида Ивановича на экзаменах по социально-экономическим дисциплинам: истмату, диамату, политическим экономиям. Филологов на них «резали» беспощадно. У студентов классического отделения экзамены по этим предметам принимали не лекторы, а молодые ассистенты — они вели семинарские занятия. Доватурзнакомился с ними заранее, в начале семестра, так что его появление на экзаменах не удивляло. К тому же у него был дар располагать к себе людей. Сидя сбоку от экзаменатора, Аристид Иванович внимал каждому нашему слову, время от времени одобрительно кивая головой, но стоило нам запнуться, как он тут же устремлялся на помощь — отвлекал экзаменатора каким-нибудь вопросом или сообщал громким шепотом, какого замечательного студента он экзаменует. И тому ничего не оставалось, как вывести в нашей зачетке «отлично».

Доватур интересовался нашей жизнью и за пределами факультета. Он познакомился с нашими родителями и иногда приходил к нам в гости. Сначала его визиты в коммунальную квартиру, где я жил с матерью и младшим братом, смущали меня. Но Аристид Иванович был очень прост в общении, весело и непринужденно шутил, так что вскоре я не ощущал никакой неловкости и радовался этим посещениям. Особенно ему нравилось беседовать о школьных делах с моим братом, которого он называл малюточкой.

— А как поживает наш малюточка? — спрашивал он меня на факультете.

К каждому Новому году мы получали от него поздравительные открытки, причем всегда в конвертах. Текст, как правило, был один и тот же: «Дорогой Валерик! поздравляю Вас и все Ваше семейство с Новым (1966) годом! Здоровья, благоденствия, удачи в учении и в жизни. 30 XII–1965» и подпись «А. Доватур».

Чтобы год был плодотворным, Аристид Иванович советовал начинать его не с застолья, а за письменным столом, читая или записывая что-нибудь по теме своего научного исследования.

Весной 1966 г. нам, третьекурсникам, было разрешено выступать с докладами в студенческом научном обществе, уже несколько десятилетий существовавшем при кафедре классической филологии. Аристид Иванович называл его просто кружком и в течение многих лет курировал его работу. Следил за тем, чтобы на заседаниях кружка велись протоколы. Секретарем был Юра Поплинский.

Хорошо помню свой первый доклад. Я сижу за преподаватель-

ским столом, слева от меня спиной к окну расположился Доватур, передо мной — Юра со стопкой бумаги. Тема доклада — «Алкестиды» Еврипида: содержание и композиция» — согласована с Аристидом Ивановичем еще в сентябре во время моего визита к нему. Слушателей немного. Это — мои товарищи по студенческой группе и молодой ассистент Никита Виссарионович Шебалин, субкуратор кружка. Голос у меня дрожит: я с трудом сдерживаю волнение, но понемногу успокаиваюсь и даже захожу в азарт. Красочно описываю терзания несчастной Алкестиды, согласившейся умереть вместо своего эгоистичного мужа, — она прощается с малолетними детьми. Мой голос крепнет, он уже звенит — пафос достигает предела. И тут не выдерживает Вия Вилцане — одна из латышек, приехавшая в Ленинград из Риги, — она... всхлипывает.

— Вот до чего вы довели несчастную девушку, — торжествует Доватур. В отличие от Вии ему весело. — Это все ваша и Иннокентия Анненского патетика. (И. Ф. Анненский — известный поэт, исследователь и переводчик Еврипида.)

Со стыдом понимаю — учитель от моего выступления совсем не в восторге, воодушевление мое неуместно, а патетичность смешна. Я скис и доклад дочитал кое-как.

Домой я возвращаюсь с Юрой Поплинским. Он всю дорогу меня утешает: уверяет, что все прошло прекрасно. Но я так не думаю. Я знаю, что Аристид Иванович, повторявший, что за излишне красивой речью скрывается отсутствие мыслей, не переносит патетики и трескучих фраз. Сам он изъяснялся языком простым и ясным. Ему претили претенциозная болтовня и неумеренное употребление научных терминов и иностранных слов. Он всегда морщился, когда одна из наших преподавательниц, уже немолодая женщина, манерно произносила: «филологическая акрибия».

Вкус к хорошему литературному языку он прививал нам постоянно. Иногда весьма своеобразно. Однажды на занятиях по грамматике древнегреческого языка огорошил нас термином «эвентуальный». Он несколько раз произнес это звучное слово, наслаждаясь произведенным эффектом.

Надо сказать, что всякого рода неожиданности Аристид Иванович прямо-таки обожал. Увидев, что кто-то из нас зеваает, он тут же произносил скороговоркой: «oscito, oscitare». Сделанное в такой форме замечание имело, помимо прочего, практическую пользу: мы на всю жизнь запомнили латинский глагол «зевать».

В проявлении чувств Аристид Иванович был крайне сдержан. Я видел его утешающим, сочувствующим — никогда. Сентиментальность была ему чужда.

Он нередко подтрунивал над нашим увлечением современной поэзией. Тогда гремела слава А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского. Как-то раз он ошеломил нас диковинными стихами. До сих пор помню две строки:

А там какой-то в котелке.
Он сукинсыннит в уголке.

В итоге он своей цели достиг. Мы старались сдерживать эмоции, мысли излагать предельно просто — без лирической выпренности и краснобайства.

Помню, как Доватур иронизировал над преподавательницей, которая с вдохновением описывала любовные муки Катуллы и терзания ссыльного Овидия.

— Люди склонны преувеличивать сердечные страдания, — посмеивался он. — Если у вас заболит зуб, вы тут же забудете о Кате Бонбоньеркиной и помчитесь к врачу. Если бы физическая боль ничего для нас не значила, грешников в аду не поджаривали бы на сковородке.

По отношению к женщинам он был подчеркнуто вежлив и церемонно галантен — при встрече целовал им руку.

Как заведующий и куратор, Аристид Иванович решал сам, кому из преподавателей вести занятия в нашей группе. На кафедре особым уважением пользовался Яков Маркович Боровский. У нас он читал историческую грамматику древних языков и спецкурсы по Эхилу и Вергилию. Всех на кафедре он приучил всегда произносить латинскую букву *c* как русский звук «к». Лишь один Аристид Иванович произносил ее так, как его учили еще в гимназии, аргументируя тем, что мы все же говорим «цирк», «цивилизация», а не «кирк», «кивилизация».

Запомнились занятия с Ольгой Александровной Гутан. С ней мы читали оды Горация. Небольшого роста очень живая старушка с белыми тщательно уложенными волосами, она появлялась в аудитории всегда с одним и тем же приветствием: «Здравствуйте, мои кретинчики».

Мария Ефимовна Сергеевко вела у нас спецкурс по своей книге «Жизнь Древнего Рима». Маленькая, сухонькая, в темном пиджа-

ке, она была полной противоположностью кафедральным дамам, всегда разодетым и накрашенным. Мария Ефимовна числилась в Институте истории, а с нами занималась по просьбе Доватура. Каждая ее лекция — увлекательное путешествие в прошлое — производила на нас глубокое впечатление.

На IV курсе Аристид Иванович, видимо, поверив в нашу преданность классической филологии, сблизился с нами еще больше. Полагая, что уже ничто не сможет помешать нашей учебе, он стал приглашать то одного, то другого из квадриги в театр или в кино. На экранах шел фильм С. Ф. Бондарчука «Война и мир». Каждый из нас получил приглашение посмотреть одну из четырех серий этой киноэпопеи. Мне досталась вторая.

Билеты в театр покупались исключительно на постановки русских классиков — Гоголя, Грибоедова, Островского. Чаще всего — в театр имени А. С. Пушкина (сейчас Александринский театр). Встречались у входа минут за тридцать до начала спектакля. Быстро снимали пальто и направлялись в буфет пить лимонад с бутербродами. Обязательно съедали по шоколадке.

Сладкое Аристид Иванович любил. Как-то раз мы очутились в начале Невского проспекта, возле кондитерской у Главного штаба, и Аристид Иванович предложил зайти в нее.

— Одно пирожное выбираете для себя сами, второе выберу я, — сразу предупредил он. Вторым пирожным оказалась трубочка с кремом.

В кондитерской было непривычно пусто. Вскоре выяснилось: нет ни чая, ни кофе. Что-то случилось с электричеством. Но Доватура это не остановило.

— Не беда, съедим и так, — сказал он и направился со своей тарелкой к столику.

Ел Аристид Иванович быстро, угнаться за ним было невозможно.

— Не спешите, не спешите — я подожду, — успокаивал он. — Привычка есть быстро выработалась у меня в заключении. Там на прием пицци отводилось несколько минут: не уложишься в положенное время — останешься голодным. — Как многие в нашей стране, он подвергся сталинским репрессиям.

Известно, каким щедрым человеком был Доватур. О его щедрости ходили легенды. Он помогал деньгами самым разным людям. Двое из нашей квадриги жили в общежитии, и Аристид Иванович

старался всячески облегчить им жизнь — водил их обедать в «Восьмерку» или в «Академичку», так назывались университетские столовые; дарил письменные принадлежности и книги.

В букинистических магазинах Доватур был желанным покупателем. Продавцы знали чудаковатого старичка, скупавшего тексты на древних языках и книги по классической филологии, и откладывали их для него.

Обходы книжных магазинов Аристид Иванович делал регулярно, после чего наши личные библиотеки пополнялись — иногда очень редкими экземплярами. Но покупал он не все подряд. Однажды я показал ему изящную оксфордскую антологию латинской поэзии, приобретенную мной на Литейном.

— Я ее видел, — сказал Аристид Иванович, — ее цена мне показалась слишком высокой. — И правда, цена была немалая — целых пять рублей.

Аристид Иванович дарил нам книги при всяком удобном случае и обязательно после каждого значительного события в нашей жизни, например, выступления в студенческом кружке или сдачи экзамена, — и непременно с памятной надписью.

Особенно охотно он дарил свои научные публикации. Вскоре мы стали обладателями его монографий и многочисленных отписок научных статей, изданных в разные годы.

Вот передо мной книга А. И. Доватура «Повествовательный и научный стиль Геродота», опубликованная в 1957 г., задолго до моего поступления в университет. На титульном листе надпись: «Дорогому ученику ⟨...⟩ на память о семинаре по Геродоту. 26 сентября 1965 г.». А через три недели всем нам была подарена только что вышедшая из печати монография «“Политика” и “Политии” Аристотеля». На моем экземпляре написано: «Моему дорогому ученику ⟨...⟩ в надежде, что он будет филологом. 19 октября 1965 г.».

Аристид Иванович дарил книги не только по специальности. Он часто задерживался у книжного киоска в вестибюле филологического факультета и покупал целую пачку на всю группу сразу. Так у меня появились сборник стихов О. Берггольц, воспоминания об армянском поэте Е. Чаренце, «Поэтический словарь» А. Квятковского и многие другие. Но эти книги Доватур не подписывал.

Под Новый год книги разыгрывались. На последнее декабрьское занятие Аристид Иванович приходил с большим мешком и просил Поплинского встать лицом к стене. Затем развязывал мешок, вы-

таскивал из него какую-нибудь книгу и спрашивал стоящего к нему спиной Юру, кому она достанется. Со временем мы с Юрой начали хитрить. Увидев нужную мне книгу, я подавал какой-нибудь знак: начинал кашлять или что-то ронял на пол — в результате книга оказывалась у меня. О нашей уловке Доватур, конечно, догадывался, но роль Деда Мороза играл до конца.

Большой охотник до всяких затей, он, вне всякого сомнения, обладал актерским даром. Прикинется, например, суровым, да так искусно, что мы невольно попадались на его уловку. Помню, оставив меня как-то на факультете. Мрачный, туча тучей. Вместо приветствия — вопрос: «Почему вы пишете на меня эпитаграммы?». Я так и обмер. Для меня не секрет — по факультету ходят эпитаграммы, где наши фамилии упоминаются рядом. Но эти стишки вовсе не мои. К тому же в них в комическом виде предстаю как раз я, а не Доватур. Но до оправдания дело не дошло. Инквизиторского взгляда из-под очков оказалось достаточно, чтобы лишиться дара речи. Тут настал черед испугаться Доватуру. Он куда-то исчез, а рядом появился Поплинский и принялся уверять, что Аристид Иванович пошутил.

— Ну, что ты? Разве не знаешь нашего старика? Он же любит шутить. Нельзя же всерьез воспринимать его розыгрыши.

Что правда, то правда, шутить Аристид Иванович любил. Ему был известен круг наших друзей на факультете. С ними он не только познакомился, но и переделал их фамилии на латинский лад. Например, студент чешского отделения Бударагин стал *Turbulentus*. А вот русист Лапидус оставался под своей фамилией: она и так звучала как латинская — *lapideus* ‘каменный’. Нас забавляло, когда Доватур приветствовал этого достаточно рослого парня словами: «А вот и наш маленький Ла-а-пидус!». Юру Поплинского он называл Попликом, видимо, сближая с древнеримским консулом по прозвищу Попликола, что значит «друг народа», а меня именовал *Durissimus* («Твердейший»). Разумеется, мы не обижались, понимая, что это было знаком его особого расположения к нам. Вот одного нашего товарища Аристид Иванович действительно не жаловал и при его появлении всякий раз равнодушно произносил: «А-а, это вы, прелестное создание».

Настроение нашего учителя легко угадывалось по его губам. Плотно сжатые губы приводили нас в трепет. О как мы боялись его в такие минуты! Когда Доватур сердился, его бритая голова

покрывалась багровыми пятнами. Впрочем, по-настоящему разгневанным я видел его только раз.

Если Аристид Иванович был в хорошем расположении духа, то при встрече он брал мою ладонь и, держа ее кончиками пальцев, легонько похлопывал по ней сверху, приговаривая: «Мальчик мой, опять вы куда-то спешите. Признайтесь, у вас свидание с прекрасной дамой». Но если был чем-то недоволен, моей руки в своей не задерживал — резко ударив по ней, тут же отпускал.

На V курсе Аристид Иванович, сокрушаясь, что регулярные занятия с нами подходят к концу, окружил нас дополнительной заботой. В начале семестра он пришел с пачкой толстых тетрадей в клетку и раздал их нам, повторяя: «Карандаш кúпите сами».

Иногда посреди занятия он, что-то пробормотав, выходил из аудитории. Возвращался минут через пять... с большим подносом, на котором громоздилась провизия из факультетского буфета. «Вы проголодались, вам надо передохнуть», — говорил он, раздавая нам бутерброды — один с колбасой и один с сыром, — яблоко и шоколадную конфету.

В октябре 1967 г. он сфотографировался с нами во дворе филологического факультета. Снимки делала преподавательница кафедры Гаяна Галустовна Шарова. На них — Юра Поплинский, Вия Вилцане, лаборант кафедры Наташа Ботвинник, я и, конечно, Аристид Иванович. Когда фотографии были готовы, он проследил, чтобы мы их подписали, указав на обороте дату.

— Это вы сейчас все помните, но с годами многое забывается. Наше время движется с нарастающей скоростью: в детстве оно едва ползет, так, что один день кажется вечностью, в зрелом возрасте — бежит, в старости — уже мчится, словно курьерский поезд.

Учитель был прав: то, что представлялось очень далеким, вдруг стало чудовищно близким.

В последние два семестра Доватур много работал с нами индивидуально. Одному из нас предлагалось прийти к 9 часам, остальные могли приехать на занятие после перерыва. Этот час отводился работе над дипломным сочинением.

Вот как это происходило. Я располагался перед Аристидом Ивановичем и рассказывал о том, что успел сделать за последнее время. Потом он доставал из портфеля книгу, которую взял в городской библиотеке специально к этой встрече. Если книга была на незнакомом мне языке, он тут же начинал переводить ее вслух. Когда мне

что-то казалось особенно важным, я просил повторить это место и записывал перевод под диктовку. Книги были самые разные — на португальском, польском, румынском и других языках.

Как-то раз он принес мне тетрадь со своими записями под названием «Миф об Алкестиде и армянское сказание о кагуане Аслане». В то время я занимался фольклорными мотивами в «Алкестиде» Еврипида. Записями учителя я воспользовался без всякого стеснения, многое позаимствовал из них. Он сам побуждал меня к этому. Это тем более странно, что я не раз слышал от него, что не следует трубить на всех углах о своих наблюдениях до их публикации; даже в научном докладе надо кое-что утаить и полностью раскрыть ход мыслей лишь в статье, подготовленной к печати. (Записи Доватура об «Алкестиде» были опубликованы только в 1992 г., через десять лет после его смерти.)

В эти утренние часы было обсуждено немало вопросов. Так, я узнал, что научное сообщение не должно превышать тридцати минут, потому что первые 15 минут вас слушают внимательно, вторые 15 минут — вполуха, следующие 15 минут не слушают вовсе. На вопрос, что делать, если возникают трудности с пунктуацией, был дан совет в затруднительных случаях ставить запятую и тире.

Чем ближе были выпускные экзамены, тем большую тревогу вызывало у него наше будущее. Он начал подыскивать нам работу, где мы могли бы применить свои знания и заниматься наукой. «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан», — шутил он. Меня он хотел пристроить в античном отделе Института археологии и два раза брал с собой, когда там проходили заседания, на которых кто-нибудь из сотрудников выступал с научным докладом. Часы заседаний совпадали с часами занятий на факультете, но Доватура это не смущало. Он входил в аудиторию и просил преподавателя отпустить меня в Институт археологии, поскольку там может решиться моя судьба.

Однако все сложилось иначе. После окончания университета Юра Поплинский распределился в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, где продолжил заниматься наукой под руководством академика Д. А. Ольдерогге. Один из Виталиев уехал в Киев и там поступил в аспирантуру к профессору А. А. Белецкому. Меня направили преподавать латинский язык в Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт. Но когда мы с Аристидом Ивановичем шли в Институт археоло-

гии слушать доклад В. Ф. Гайдукевича, мы ничего еще об этом не знали.

Наконец наступил день защиты дипломных работ. Как и следовало ожидать, всё прошло благополучно. Доватур улыбался, но скрыть своей грусти не мог. Все получили в подарок книги с памятной надписью. Мне достался роскошный двухтомник с биографическими материалами и репродукциями картин И. Левитана. Надписывая книгу, Аристид Иванович впервые назвал меня не только по имени, но и по отчеству. А написал он вот что: «Дорогому Валерию Семеновичу Дурову, любителю греческой, латинской и всякой другой поэзии, от учителя, любителя прозы. В день окончания университета».

Потом все направились на Невский проспект в кафе «Север», где нас ждал праздничный обед.

Через неделю после получения дипломов мы собрались у Юры Поплинского. Его родители жили недалеко от Московского вокзала. Мы дурачились и веселились до утра. Это был июнь 1968 г.

Summary

Reminiscences of A. I. Dovatur (1897–1982), professor of classics, at the University of St. Petersburg (then Leningrad), by his former student, today the Chairman of Classical Philology Department at the same University, V. S. Durov.